

К уточнению частеречного статуса признаков лексем в арчинском языке*

© 2018

Михаил Александрович Даниэль

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 105066, Российская Федерация; misha.daniel@gmail.com

В статье анализируются словоизменительные особенности стативов в арчинском языке (лезгинская группа нахско-дагестанской языковой семьи). Класс стативов в основном состоит из признаковой лексики, то есть семантически близок к прилагательным, однако демонстрирует предикативную морфологию, сближающую его с глаголами. А. Е. Кибрик и др. в грамматике 1977 года предлагают считать стативы подклассом глаголов наряду с другими, «динамическими» глаголами. Анализ словоизменительных особенностей стативов, однако, позволяет говорить о том, что словоизменительные сходства между стативами и глаголами носят поверхностный характер. Классификация словоизменительных морфем на более и менее связанные — от суффиксов к клитикам — показывает, что словоизменение стативов ограничивается только теми категориями, которые выражаются морфологически наименее связанными морфемами. Исходя из этого мы утверждаем, что арчинские стативы, хотя и являются, как и глаголы, предикативными единицами, тем не менее составляют отдельную от глаголов часть речи.

С точки зрения типологии признаков слов (property words) как части речи это можно интерпретировать следующим образом. В рамках морфосинтаксического подхода к типологии прилагательного (Шахтер, Хенгевельд) арчинские стативы не являются прилагательными, так как они должны получать специальное оформление в функции приименного атрибута, но могут оставаться немаркированными в предикативной позиции. При этом их поведение поддерживает гипотезу, высказываемую в рамках семантического подхода к типологии прилагательного (Диксон, Айхенвальд), согласно которой никакие языки, в том числе языки с предикативным поведением признаков лексем, не проводят морфосинтаксическое отождествление этого лексического класса с прототипическими глаголами вполне последовательно. Кроме того, арчинские данные показывают, как поверхностные словоизменительные сходства могут скрадывать различия между этими классами.

Ключевые слова: арчинский язык, морфологическая связанность, нахско-дагестанские языки, прилагательное, части речи

Property words in Archi: Inflection and part-of-speech status

Michael Daniel

National Research Institute Higher School of Economics, Moscow,
105066, Russian Federation; misha.daniel@gmail.com

In this article, I consider the inflection of property words in Archi (Lezgian, East Caucasian). While property words show some similarities with verbs (and are indeed classified as a subtype of verbs in Kibrik et al.'s 1977 grammar of Archi), I argue that this similarity is too superficial to categorize them as verbs. I first consider inflectional morphology of true verbs and show that it includes several layers of morphological markers

* Статья подготовлена в результате исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». Я бы хотел выразить благодарность моему другу и переводчице Б. К. Мусаевой. Отмечу также, что некоторые формы приведены в записи, отражающей современное произношение (в первую очередь, нейтрализация некоторых гласных в [ə]) и отличающейся от их транскрипции в Грамматике-77.

distinguished by the degree of their morphological boundedness, from true suffixes to cross-categorial clitics. I then show that all similarities between property words and verbs are limited to the external layers of verb inflection, while the suffixes belonging to the internal, more bound layers cannot attach to property words. I conclude that while both verbs and property words are predicative, they do not belong to the same morphosyntactic class but form clearly distinct parts of speech.

From the typological perspective on the adjective as a cross-linguistic category, I suggest the following interpretation. While Archi property words are not adjectives under the morphosyntactic approach to the typology of adjectives (as proposed by Hengeveld and Schachter, among others), because they are obligatorily marked in adnominal position and may remain unmarked in predicative position, they conform to the expectations of the semantic approach (advocated by Dixon and Aikhenvald), which predicts that no human language completely assimilates verbs and property verbs in terms of their morphosyntax.

Keywords: adjectives, Archi, East Caucasian, Nakh-Daghestanian, morphological boundedness, parts of speech typology, property words

Введение

В своей грамматике арчинского языка (лезгинская ветвь нахско-дагестанской семьи) А. Е. Кибрик указывает на то, что глаголы арчинского языка делятся на два класса: динамические и стативные [Грамматика-77]). По Кибрику, стативные глаголы включают в себя как лексические единицы, которые выступают в первую очередь в функции финитного предиката, например названия состояний (*sini* 'знать', *l'an* 'хотеть' и др.), так и лексические единицы, которые выступают в первую очередь в атрибутивной функции и выражают признаковые значения (например, *tac'a* 'новый'). Объединяются они рядом общих морфологических черт. Стативы-признаки и стативы-состояния, как и динамические глаголы, в атрибутивной позиции выступают в морфологически маркированной форме (оформлены показателем атрибутивизации). И названия признаков, и названия состояний имеют ограниченную словоизменительную парадигму, и этим отличаются от прочих (по Кибрику — динамических) глаголов, образуя, по мнению Кибрика, их особый подкласс. Целью настоящей статьи является суммировать и проанализировать морфосинтаксические свойства стативов; показать, что арчинские стативы являются не подклассом глаголов, а отдельным классом предикативных единиц; и установить их место в частеречной типологии признаковых лексем, то есть в типологии прилагательного в смысле [Dixon, Aikhenvald (eds.) 2004].

Статья в значительной степени опирается на эмпирический материал грамматики арчинского языка [Грамматика-77] и многие очень точные и тонкие соображения, высказанные ее авторами. В этом смысле амбиции автора в основном ограничены интерпретацией уже описанных фактов. Также, однако, привлекаются данные корпуса — как тексты, собранные и опубликованные в Грамматике-77, так и тексты, собранные в ходе полевых поездок последних лет (в примерах обозначены как «новые тексты»), а также тексты, опубликованные А. Дирром [1908] (обозначены как «тексты Дирра»).

Структура статьи следующая. В разделе 1 кратко описан лексический состав класса стативов в арчинском языке и ставится вопрос об их частеречной принадлежности. В разделе 2 обсуждаются ограничения на словоизменение стативов в арчинском языке — грамматические категории, показатели которых стативы присоединять не способны, а также те грамматические категории, которые совместимы со стативами. В разделе 3 рассматриваются морфосинтаксические свойства показателей, которые присоединяют арчинские глаголы; дается их классификация по степени морфологической связанности на более связанные, «внутренние», и менее связанные, «внешние». Показано, что стативы способны присоединять лишь показатели внешних категорий. В разделе 4 обсуждается статус арчинских стативов в контексте типологии частей речи. Заключение кратко резюмирует полученные результаты.

1. Стативы: первое знакомство

В арчинском языке стативы можно однозначно определить как лексемы, которые в предикативной позиции могут выступать в виде чистой основы, а в атрибутивной позиции

требуют присоединения показателя атрибутивизации *-t.u=* (последний содержит в себе позицию классного согласования, которая обозначена знаком =). Грамматика-1977 выделяет две лексические группы стативов: лексемы, которые выступают в первую очередь в предикативной позиции, и лексемы, которые выступают в первую очередь в атрибутивной позиции. Первая группа включает названия состояний и некоторые названия признаков, вторая — многие названия признаков. (Сам Кибрик не использует в этой классификации термины «состояние» и «признак».) Примеры стативов из той и другой группы приведены в таблице 1.

Таблица 1

**Примеры значений, выражаемых стативами,
и характерная для них синтаксическая функция**

Преимущественно предикативная	Преимущество атрибутивная
<i>aχ</i> 'быть далеко'	<i>aqa</i> 'быть длинным'
<i>=aχ^c</i> 'быть достаточным, хватать'	<i>av</i> 'быть тугим на ухо'
<i>bazar</i> 'скучать'	<i>bex^ce</i> 'быть черным'
<i>=iq^c:a</i> 'быть голодным'	<i>ti</i> 'быть красивым'
<i>k^wat</i> 'быть нужным'	<i>laml</i> 'быть сырым'
<i>l'an</i> 'любить'	<i>mac'a</i> 'быть новым'
<i>bux^c:a</i> 'быть добрым'	<i>baj</i> 'быть старым'
<i>sav</i> 'быть здоровым'	<i>tuχ</i> 'быть робким'

Грамматика-77 не уточняет, на каких эмпирических основаниях делается вывод о том, какое из употреблений первично — предикативное или атрибутивное; некоторые элементы группы, обозначенной нами условно как предикативы, имеют признаковую семантику, а данные о собственно частотности в грамматике не приводятся; мы их также не собирали. В любом случае и для Кибрика, и для нас это разделение имеет второстепенное значение. Как первые, так и вторые могут использоваться не только в той синтаксической функции, которая полагается в грамматике первичной, но и в той, которая считается вторичной.

- (1) Статив: предикативный контекст (тексты Грамматики-77)

wiš *ʕummal-l-a* *b-aχ^c*
вы.ГЕН жизнь-OBL-IN(ESS) 3-быть.достаточным

'Вам на (всю) жизнь **хватит** этого'.

- (2) Статив: атрибутивный контекст (тексты Дирра)

b-aχ^c-t.u-b *χ:azina* *is* *aq-li-s* *l'arak* *b-i*
3-быть.достаточным-ATR-3 богатство 4.я.ГЕН копыто-OBL-DAT под 3-есть

'У меня под копытом — большое (букв. **достаточное**) богатство'.

В виде чистой основы стативы выступают и в некоторых глагольных конструкциях — инхоативной (с глаголом *=kes* 'становиться') или каузативной (с глаголом *as* 'делать'). Динамические глаголы выступают в этой позиции в форме инфинитива, который от стативов не образуется; ср. 3 и 4.

- (3) Статив: каузативный контекст (тексты Грамматики-77)

ha *marc^c* *aw* *qesbarti* *aa-s* *biq^w*
ну быть.чистым 4.делать.PFV танец <3>делать-INF место

'Ну, **расчистили** место для танцев'.

В предикативной функции стативы способны использоваться не только в форме чистой основы, но и в форме имперфективного конверба (деепричастия несовершенного вида), в том числе в аналитических конструкциях, и в некоторых других формах (подробнее см. ниже).

(4) Статив: форма конверба (тексты Грамматики-77)

jatu-r iq-li-t:i-š iq-li-t:i-k bazar-ši du-q':a-r-ši
 этот-2 день-OBL-SUP-EL день-OBL-SUP-LAT скучать-CVB 2-сохнуть-IPFV-CVB

ja-r-mi-s L'an et:i-li buwa dija-me-n
 этот-2-OBL-DAT хотеть 4.статья.PFV-EVID мама папа-OBL.PL-GEN

neq'wi-t:i-ši de-q'e-s
 земля.OBL-SUP-ALL 2-идти-INF

‘Изо дня в день она **сучала**, сохла; ей **захотелось** отправиться в родительские места’.

На первый взгляд, в арчинском языке открытый лексический класс обозначений признаков как отдельная часть речи (имя прилагательное) отсутствует. Он составляет ядро класса стативов, в который включены также некоторые обозначения состояний и который, согласно Грамматике-77, в свою очередь является подклассом глаголов (наряду с более обширным подклассом динамических глаголов). Это следует из того, что стативы имеют пусть неполную, но все же глагольную парадигму и получают в атрибутивной позиции то же оформление, что и глаголы — суффикс атрибутивизации *-t:i*.

Лексемы, которые выступают в атрибутивной позиции без дополнительного маркирования, в арчинском языке имеются, хотя и в очень ограниченном числе [Грамматика-77, 2: 113]. Грамматика-77 называет их **непроизводными прилагательными**. К ним относятся некоторые признаковые лексемы, в основном характеристики людей, но не только: *kulu* ‘не имеющий родителей’, *biši* ‘неродной’; слова *melle* ‘мужского пола’ и *l:enne* ‘женского пола’; слово *č'era* ‘яловый’; названия этнических групп *aquš* ‘даргинский’, *jart:in* ‘аварский’, *haman* ‘лакский’ и др.; также некоторые кванторы или слова с близкой семантикой, например, *but'u* ‘другой’ или *marči* ‘все’. Основы *but'u* ‘другой’, *melle* ‘мужской’ и *l:enne* ‘женский’ способны в атрибутивной позиции присоединять атрибутивизатор, то есть демонстрировать морфологическое поведение стативов. По крайней мере некоторые названия этнической принадлежности также встречаются в корпусе с показателем атрибутивизации. Однако если стативы требуют его в атрибутивной позиции, то этнонимы в атрибутивной позиции встречаются чаще без атрибутивизатора, а в атрибутивной форме чаще без именной вершины и в форме множественного числа — *jart:innib* ‘аварцы’, *hamannib* ‘лакцы’; можно считать это средством субстантивации для дальнейшего присоединения числовых и падежных суффиксов, которые напрямую к основам стативов не присоединяются.

Кибрик относит к непроизводным прилагательным указательные местоимения (например, *to* = ‘этот’ или *kudu* = ‘тот ниже’). Действительно, в атрибутивной позиции они не могут присоединять показатель атрибутивизации. Но от непроизводных прилагательных они морфологически отличаются наличием суффиксального классного показателя, поэтому кажется целесообразным отделить их от других непроизводных прилагательных.

Особое положение занимает признаковая лексема *do':z* (атрибутивная форма *do':zu*) ‘большой’, которая похожа на стативы словоизменительно (например, имеет форму на *-ši*). В ее атрибутивной форме атрибутивизатор не выделяется, по крайней мере на синхронном уровне. Однако эта форма имеет позицию классного согласования, которую в других случаях добавляет (содержит) показатель атрибутивизации. Мы склонны, вслед за Кибриком, считать эту лексему морфологически нерегулярным стативом.

В типологическом подходе к исследованию имени прилагательного достаточно распространен подход, опирающийся на выделение семантически прототипических адъективных значений — размер, физические свойства, цвет, — см. классическую статью [Dixon 1977]. В этой работе высказано предположение, что, как бы ни был мал морфосинтаксический класс атрибутивных лексем, он всегда включает некоторые или большинство значений, априори признанных прототипическими. С другой стороны, признаками прилагательного как морфосинтаксического класса обычно считается отсутствие специальной деривационной морфологии в атрибутивной позиции при наличии такой морфологии (или необходимости связки) в предикативной позиции [Hengeveld 1992; Bisang 2012]. Арчинский язык

представляет в этом смысле определенную проблему: класс лексем, которые не маркированы в атрибутивной позиции и которые поэтому хочется, вслед за Грамматикой-77, считать собственно прилагательными, не включает ни одного из базовых признаковых значений. Этот класс включает значения этнической и половой принадлежности и некоторые социальные признаки родства. Отчасти схожие конфигурации разбираются в сборнике [Dixon, Aikhenvald (eds.) 2004], однако установочная статья в этом сборнике имеет уже иной, универсалистский посыл. Здесь Диксон утверждает, что даже в тех языках, в которых прилагательные (понимаемые семантически, то есть как «признаковые лексемы», *property words*) в целом похожи на глаголы, они имеют формальные свойства, отличающие их от собственно глаголов. Такие свойства могут быть очень тонкими, однако, как утверждается, они всегда поддаются обнаружению.

Анализ, предлагаемый в Грамматике-77, согласуется с этим утверждением. Арчинские признаковые лексемы обладают лишь частью словоизменительных свойств обычных глаголов и тем самым морфологически от них отличаются; таким образом, стативы оказываются морфологически обособленным классом арчинских глаголов. Настоящая статья посвящена обоснованию более сильного утверждения: внимательное рассмотрение морфологических особенностей стативов приводит к выводу, что те свойства, которые объединяют стативы с глаголами, не являются собственно глагольными. Арчинские стативы не представляют собой подкласс глаголов — глаголы и стативы, будучи предикативными единицами, составляют различные морфосинтаксические классы (разные части речи). Арчинский язык еще в большей степени подтверждает типологические предсказания, сформулированные в [Dixon, Aikhenvald (eds.) 2004], чем можно было бы предположить, опираясь на интерпретацию Грамматики-77. Мы подробнее вернемся к типологии имени прилагательного и месту, занимаемому в ней арчинскими стативами, в разделе 4.

2. Словоизменение стативов

Итак, основным средством выражения признаков в арчинском языке являются лексические единицы, которые Грамматика-77 называет стативными глаголами (в отличие от динамических глаголов) и которые мы будем называть просто стативами (так как в конечном итоге мы хотим показать, что они не являются подклассом глаголов наряду с динамическими глаголами, но образуют отдельный класс предикативных лексем). От динамических глаголов стативы отличает ряд важных морфологических особенностей. Стативы образуют отрицательную форму, форму имперфективного конверба, одну из форм номинализаций (примеры см. ниже в разделе 3). У стативов отсутствует различие двух основ (имперфективной и перфективной), они не образуют никаких форм, производных от перфективной основы (например, формы с референцией к будущему), форму императива и форму инфинитива. Мы подробно рассматриваем словоизменительные ограничения стативов с целью показать, что эти ограничения нельзя объяснить чисто семантическими причинами и поэтому следует считать формальными словоизменительными особенностями, выделяющими стативы в отдельный морфосинтаксический класс — отдельную часть речи.

Динамические глаголы различают несколько основ, в том числе и в первую очередь — перфективную и имперфективную основы. Согласно анализу Кибрика, все основы производны от исходной, абстрактной основы, которая в несвязанном виде (как автономная словоформа) у динамических глаголов не встречается. Имперфективная основа образуется от исходной путем суффиксации и в некоторых случаях одновременной инфиксации показателя *-r-* (суффиксация обязательна, наличие инфикса определяется словарно). Перфективная основа производится от исходной по нескольким различным моделям, в том числе суффиксально. Большинство словоизменительных форм образуются от этих двух главных основ (которые мы будем далее называть промежуточными), в то время как инфинитив, имя действия и императив образуются непосредственно от исходной основы. Промежуточные основы сами по себе являются автономными словоформами (в более традиционном

понимании, совпадают с ними). Синтетический презенс, имеющий в основном хабитуальные употребления, совпадает с имперфективной, а аорист — с перфективной основой. Будущее время совпадает с еще одной промежуточной основой, а именно основой футурума, или футуральной (потенциальной у Кибрика), которая сама образуется суффиксацией показателя *-qi* к перфективной основе.

Первое существенное отличие стативных глаголов от динамических заключается в том, что они не имеют двух промежуточных основ. Все формы стативов образуются от одной основы, которая (в отличие от исходной основы динамических глаголов) морфологически автономна. Эта основа явно отлична от перфективной основы динамических глаголов, так как не присоединяет показатель футуральной основы *-qi* и показатель перфективного конверба *-li* (последний также выступает в качестве лексической части аналитических глагольных форм с бытийным глаголом или финитно, как форма косвенной засвидетельствованности перфективного прошедшего).

Грамматика-77 [2: 64] предлагает считать, что стативы обладают только имперфективной основой. В другом месте Кибрик, однако, замечает, что особенность стативов заключается в том, что они, в отличие от динамических глаголов, не используют для образования имперфективной основы обязательный для динамических глаголов суффикс *-r* [Грамматика-77, 1: 71, сн. 13]. Приводятся два исключения, *ac'ar* 'болеть' и *l'inč'ar* 'бояться', причем справедливо отмечается, что имперфективный суффикс в них может выделяться лишь исторически. Без него эти основы не встречаются.

Одним из аргументов в пользу решения Грамматики-77 является тот факт, что стативы присоединяют показатель имперфективного конверба *-ši*. Статус этого показателя подробнее обсуждается в разделе 3, где предлагается иное объяснение его сочетаемости со стативами. Другой аргумент в пользу того, чтобы считать основу статива имперфективной, — семантический. Единственная основа стативов употребляется в имперфективных контекстах: актуально-длительных или хабитуальных. Это может быть объяснено собственно семантикой состояния, которая предполагает либо актуальную длительность, либо хабитуальность. Вхождение в состояние выражается в арчинском языке аналитической конструкцией — сочетанием неоформленного статива с глаголом *=kes* 'стать', ср. пример (4).

Сочетаемость стативов со вспомогательными глаголами — серьезный формальный аргумент против того, чтобы считать их основы аналогом имперфективных основ динамических глаголов. Сочетание имперфективной основы динамического глагола с глаголом *=kes* неграмматично. И стативы, и динамические глаголы образуют каузативы с глаголом *a=s* 'делать', однако стативы выступают в форме основы, а динамические глаголы — в форме инфинитива.

Отметим также достаточно широкое использование стативов в предикативной позиции в немаркированной форме, в то время как у динамических глаголов форма синтетического презенса, совпадающая с имперфективной основой, употребляется относительно редко и имеет почти исключительно хабитуальное значение. Конечно, в определенной степени это можно связывать с типичной для многих стативов семантикой (*l'an* 'любить', *bux'a* 'быть добрым'), которые обозначают постоянные свойства или признаки. Однако другие стативы вполне допускают эпизодическое прочтение (другое значение *l'an* 'хотеть', *=iq'a* 'быть голодным', *k'at* 'быть нужным', *χ'ara* 'быть веселым').

Как кажется, отождествление единственной основы стативов с имперфективной основой динамических глаголов не поддерживается фактами. Оно вызвано желанием Кибрика вписать стативы в архитектуру словоизменения динамических глаголов и лежит в общем русле предлагаемой Грамматикой-77 трактовки стативов как их подкласса. Автономность основы стативов, отсутствие в ней аффиксального показателя имперфективности и ее сочетаемость с *=kes* 'стать' в значении инхоатива и с *a=s* 'делать' в значении каузатива (аграмматичны для имперфективной основы динамических глаголов) — на наш взгляд, все это сильные аргументы в пользу того, чтобы считать, что стативы имеют единственную основу, не соотносимую не только с перфективной, но и с имперфективной основой динамических глаголов.

Несмотря на кажущуюся второстепенность различия между двумя интерпретациями статуса основы у стативов, такое решение имеет существенные идеологические последствия. Если считать, вслед за Грамматикой-77, что стативы имеют только имперфективную основу, они представляют собой дефектный (по сравнению с динамическими) класс глаголов. Если же считать, что они вообще не различают основ (имеют единственную основу), то приходится признать их отличие от динамических глаголов более фундаментальным.

У стативов отсутствует форма инфинитива (у динамических глаголов образуется от отдельной основы), которая, на первый взгляд, необходима любым предикатам по грамматическим соображениям. В арчинском языке для введения сентенциальных актантов используются различные нефинитные глагольные формы. Некоторые из них у стативов присутствуют: атрибутивная форма (например, при глаголе *=ak:us* ‘видеть’), конверб (альтернативное управление глагола *=ak:us* ‘видеть’) или имя действия (например, при глаголе *=kos* ‘слышать’). Однако у стативов отсутствует форма инфинитива, которую подчиняют модальные и фазовые глаголы. В замещение инфинитива в этих конструкциях стативы выступают в сочетании с глаголом *=kes* ‘стать’:

(5) Позиция сентенциального актанта (элицитация)

ez sin ke-s kʷat jamu-t
4.я.ДАТ знать 4.стать-ИНФ надо этот-4
‘Мне надо это знать’.

У стативов также отсутствует морфологический императив. Отсутствие императива у многих стативов — обозначений признаков (*baj* ‘быть старым’, *jaʔʔan* ‘быть красным’) — можно объяснять семантически, так как эти стативы обозначают неконтролируемые состояния (свойства). Однако уже у эпизодических признаков, таких как *χʷara* ‘быть веселым’, и предикатов внутренних состояний (*lʔan* ‘любить’, *sini* ‘знать’, *lʔinčʔar* ‘бояться’) формы императива семантически не исключены, и тем не менее морфологический императив отсутствует. Кроме того, во-первых, динамические глаголы, обозначающие неконтролируемые ситуации, в целом достаточно свободно образуют императивы в арчинском языке (*dakʔimkʔa* ‘умри’, *eka* ‘падай’), и, во-вторых, сами стативы образуют императивные (и прохибитивные) конструкции, но только аналитически, в сочетании с глаголом *=kes* ‘стать’.

(6) Форма императива (элицитация)

lʔan da-k-a to-r ut:-a(r)u lo baran
любить 2-стать-ИМП этот-2 твой-2ЕМРН дитя как
‘Люби ее как дочь’.

(7) Форма прохибитива (элицитация)

χala de-ke-r-digi
быть.старым 2-стать-IPFV-PRON
‘Не старей!’

Можно считать, что в модальных, фазовых и императивных конструкциях сочетание статива со ‘стать’ является не просто морфосинтаксической стратегией замещения инфинитива, а мотивировано семантикой вхождения в состояние (‘Мне надо начать быть знающим это’, ‘Полюби ее как дочь’, ‘Не начинай быть старым’). Однако это не отменяет морфологического ограничения: ни императивные формы, ни форма инфинитива от стативов синтетически не образуются.

Еще одно зияющее отсутствие, которое компенсируется сочетанием с глаголом *=kes*, — это невозможность образовать форму будущего времени. Этот словоизменительный дефицит имеет уже чисто формальную, не семантическую природу; его трудно объяснить семантически «вынужденным» переходом к конструкции вхождения в состояние. Как уже было сказано, формы будущего времени («потенциалиса» Грамматики-77) образуются от перфективной основы, которая у стативов отсутствует. Дуративные значения

с референцией к будущему времени не представляют никаких семантических затруднений. Тем не менее наш консультант для перевода соответствующих стимулов сначала использовал формы настоящего времени (8), потом, при повторном вопросе и указании на форму будущего времени в исходном русском предложении, использовал конструкцию с *=kes* ‘стать’ (9); ср. также (10) со стативом ‘быть голодным’, помещенным в контекст будущего времени.

(8) Временная соотнесенность с будущим (элицитация)

was zon l'an-ijkun, w-ez un-u l'an
ты.DAT я.NOM любить-SIMULT 1-я.DAT ты(NOM)-ADD любить

‘Пока ты меня будешь любить, и я тебя буду любить’ (букв. ‘Пока ты меня любишь, и я тебя люблю’).

(9) Временная соотнесенность с будущим (элицитация)

la-t'-u oq uw-mə-š ɣara-ši was
мы.GEN-4-EMPH(INCL) свадьба 4.делать.PFV-LOC-EL назад-ALL ты.DAT
zon l'an-ijkun, w-ez un=u l'an i(w)t:i-qi
я.NOM любить-LIM 1-я.DAT ты(NOM)=ADD любить <1>стать.PFV-FUT

‘После нашей свадьбы, пока ты меня любишь, я тебя тоже буду любить’ (букв. ‘я тебя тоже полюблю’).

(10) Временная соотнесенность с будущим (элицитация)

obš:i ɕumməl-l-u=wɰw w-iq 'ə-ši i(w)di,
весь жизнь-OBL-IN(ESS)=ADD 1-быть.голодным-CVB.IPFV <1>быть.PST
k'wi-lka:n=u w-iq 'ə i(w)t:i-qi
1.умереть.PFV-LIM=ADD 1-быть.голодным <1>стать.PFV-FUT

‘Я всю жизнь голодал и так до смерти и буду голодать’.

Примеры подобраны таким образом, чтобы по возможности исключить инхоативную интерпретацию: они указывают не на вхождение в состояние, а на его продолжение в будущем. Тем не менее формально мы имеем дело с инхоативной конструкцией.

Таким образом, для передачи морфологически не свойственных стативам грамматических значений — императива, инфинитива, будущего времени — используется аналитическая конструкция, сочетание статива с глаголом *=kes* ‘стать’. Синтетическая морфология для образования этих форм не используется. В случае императива связать такую дефектность с неконтролируемостью обозначаемых стативами ситуаций не удастся, так как они достаточно свободно образуют аналитические императивы. Семантическую мотивацию можно понимать в более абстрактном смысле: неконтролируемость стативов, с одной стороны, и нетипичность императива для неконтролируемых ситуаций, с другой, не затрудняют образования формы, а ведут к определенному дизайну словоизменительной системы. Собственно, это мы и хотим показать: стативы имеют иную структуру парадигмы и иной набор словоизменительных категорий, отличающий их от динамических глаголов.

Грамматика-77 [1: 72] обсуждает еще одно отличие стативов от динамических глаголов: лишь небольшое число стативов имеет классные показатели. На наш взгляд, этот факт не является сильным аргументом в пользу их отделения от динамических глаголов. Префиксально-инфиксальный слот либо присутствует, либо отсутствует у конкретного глагола в любой словоизменительной форме. Наличие согласовательного слота лексически детерминировано, хотя и коррелирует определенным образом со структурой основы. Глагольные основы с консонантным анлаутом скорее не склонны, хотя и могут иметь классные показатели; в последнем случае ненулевые показатели не первого класса (т. е. показатели второго и третьего классов) вставляют протетический гласный, копирующий гласный основы, а первый класс реализуется как лабиализация на первом согласном основы. Глагольные основы с вокалическим анлаутом чаще всего, но не всегда, имеют классный показатель. Точно те же типы обнаруживаются и среди стативов. Единственное отличие, которое носит

абсолютный характер, заключается в том, что среди стативов никогда не встречается инфиксация классного показателя, распространенная у динамических глаголов. Ср. таблицу 2.

Таблица 2

Позиции классного согласования у динамических глаголов и стативов

Тип анлаута и наличие классного показателя	Динамические глаголы	Стативы
Вокалический анлаут, присутствие классного показателя	= <i>ocis</i> 'стоять'	= <i>aχ</i> ^с 'быть достаточным'
Вокалический анлаут, отсутствие классного показателя	<i>oɫ:as</i> 'молчать'	<i>aχ</i> 'быть далеко'
Консонантный анлаут, наличие классного показателя	= <i>kes</i> 'стать'	= <i>χali</i> 'быть лучше'
Консонантный анлаут, отсутствие классного показателя	<i>barhas</i> 'ухаживать'	<i>ɫ'an</i> 'хотеть'
Инфиксация	<i>a=tis</i> 'отпустить'	—

Предпочтение не иметь классного согласования не является жестким структурным отличием стативов от динамических глаголов. Наличие классного согласования в арчинском языке вообще не может считаться критерием частеречной классификации, так как его демонстрируют также некоторые падежные формы личных местоимений и наречия. Тем не менее стативы действительно значимо реже имеют классный показатель — практически нет динамических глаголов с вокалическим анлаутом, в которых бы не было префиксального классного показателя; есть только один статив с консонантным анлаутом, который имеет классный показатель. Грамматика-77 приводит лишь три статива с согласовательной позицией: =*aχ*^с 'быть достаточным', =*iq*^с:*'a* 'быть голодным', =*ac*^с:*ar* 'болеть' (обращает на себя внимание наличие в основе последнего статива -*r*, который может говорить о происхождении этого статива из динамического глагола, что объясняло бы наличие префиксального слота). В типологическом отношении этот факт может коррелировать с наблюдением Диксона о том, что признаковые лексемы часто отличаются от глаголов отсутствием согласования (впрочем, у Диксона речь идет о личном согласовании), но для внутреннего грамматического анализа арчинского языка, на наш взгляд, он не релевантен.

3. Обзор глагольного словоизменения: морфологические «слои»

В этом разделе мы дадим общий обзор глагольного словоизменения арчинского языка, а в конце вернемся к вопросу о том, какие из перечисленных глагольных категорий сочетаются со стативами. Показатели, присоединяющиеся к динамическим глаголам, можно разделить на несколько классов.

Класс 1. Показатель присоединяется непосредственно к исходной (абстрактной, по Кибрику, или связанной, то есть не образующей автономную словоформу) основе глагола. Это показатели, образующие промежуточные основы: имперфективный суффикс / инфикс -*r* и суффиксы перфективной основы (там, где они выделяются, например -*di*), а также показатель императива -*a*, показатель инфинитива -*Vs*, лексически распределенные показатели номинализации -*t'i* и -*mul*.

Присоединение показателей класса 1 дает «на выходе» автономные словоформы. В отличие от показателей класса 1, показатели всех последующих классов имеют автономные словоформы уже «на входе» и дают автономные словоформы на выходе; кроме форм динамического глагола они также присоединяются к формам бытийного глагола =*i* (презент), =*di* (прошедшее, ср. -*di* как распространенный формант перфективной основы) и =*ikir* (хабитуалис). При этом хабитуалис ведет себя с точки зрения морфологической сочетаемости как имперфективная основа, прошедшее время — как перфективная основа, а презент

присоединяет все те показатели, которые присоединяет хабишуалис, за исключением показателя имперфективного конверба *-ši*.

Класс 2. Показатель присоединяется лишь к одной из промежуточных основ (перфективной): это показатель перфективного конверба *-li* (он же показатель косвенной засвидетельствованности в финитном употреблении) и присоединяющийся к перфективной основе показатель будущего времени *-qi*.

Класс 3. Показатель сочетается с несколькими промежуточными основами: перфективной и/или имперфективной и/или футуральной. Это, во-первых, показатель отрицания *-t'u* и, во-вторых, другие показатели, которые обладают тем же свойством, но линейно следуют за показателем отрицания (в случае его присутствия). Это показатель континуативного конверба *-mat(:)* и причинно-временного конверба на *-tiχur* (перфективная и имперфективная основы и форма будущего времени) и показатель имперфективного конверба *-ši* (имперфективная и футуральная, но не перфективная основы; последнее ограничение можно отнести на счет семантической несовместимости).

Показатель отрицания *-t'u* (в записи нашего консультанта часто *-t'i-*) прозрачно связан с автономной лексемой — отрицательным словом *t'o*, но клитикой не является, так как он не кросскатегориален (суффикс *-t'u* встречается лишь на предикативных единицах) и за ним могут следовать явно не клитические показатели (другие суффиксы класса 3). В пределах же глагольной парадигмы он не селективен и свободно присоединяется к разным промежуточным основам.

Класс 4. Показатель сочетается с финитными индикативными глагольными формами, с инфинитивом, а также ограничено с основами или формами неглагольных частей речи: это номинализатор *-kul* (сочетается в том числе с субстантивными основами) и показатель атрибутивизации *-t'u* (сочетается с некоторыми падежными формами имен и с наречиями).

Отметим, что показатель имперфективного конверба *-ši*, хотя и обладает, по сравнению с другими показателями класса 3, ограниченной сочетаемостью (не сочетается с перфективной основой), вместе с тем демонстрирует ограниченную кросскатегориальность — образует форму «функтива» ('в качестве', см. [Creissels 2014]) от основы имени, что сближает его дистрибуцию с дистрибуцией показателя номинализации *-kul*, принадлежащего классу 4.

Класс 5. Показатель свободно сочетается не только с финитными, но и с нефинитными формами, а также с неглагольными составляющими. Это показатель квотатива *-er* (сочетается в том числе с нефинитными и финитными неиндикативными составляющими, например с императивом или именными группами) и показатель вопроса *ra* (может оформлять как финитную форму и инфинитив, так и именные группы, наречия и проч.).

Выделенные нами классы упорядочены по степени морфологической связанности. Они образуют своего рода словоизменительные «оболочки» на исходной основе динамического глагола (о метафоре «капустного листа» в грамматической типологии см. [Майсак 2000]). Первый слой включает показатели класса 1, которые присоединяются к морфологически неавтономной исходной основе, образуя при этом автономные формы; один из показателей этого класса присутствует в любой глагольной словоформе. Второй слой включает показатели класса 2, которые присоединяются к автономным формам, являющимся промежуточными основами (имперфективная и перфективная основа), но при этом морфологически селективны, то есть сочетаются только с одной из них; этот механизм все еще похож на деривацию словоизменительных форм. Третий слой включает показатели класса 3, которые сочетаются с различными промежуточными основами, то есть по крайней мере ограничено не селективны; эти показатели различаются между собой линейным порядком (показатель отрицания сочетается с другими показателями и предшествует им), но не степенью морфологической связанности. Четвертый слой образуют показатели, для которых характерна ограниченная кросскатегориальность, — это показатели класса 4. Наконец, показатели класса 5 включены в рассмотрение только потому, что они считаются частью глагольной парадигмы в Грамматике-77. По сути, однако, это клитики, не являющиеся уже собственно глагольными показателями.

Комбинаторные свойства показателей отражены в следующей схеме:

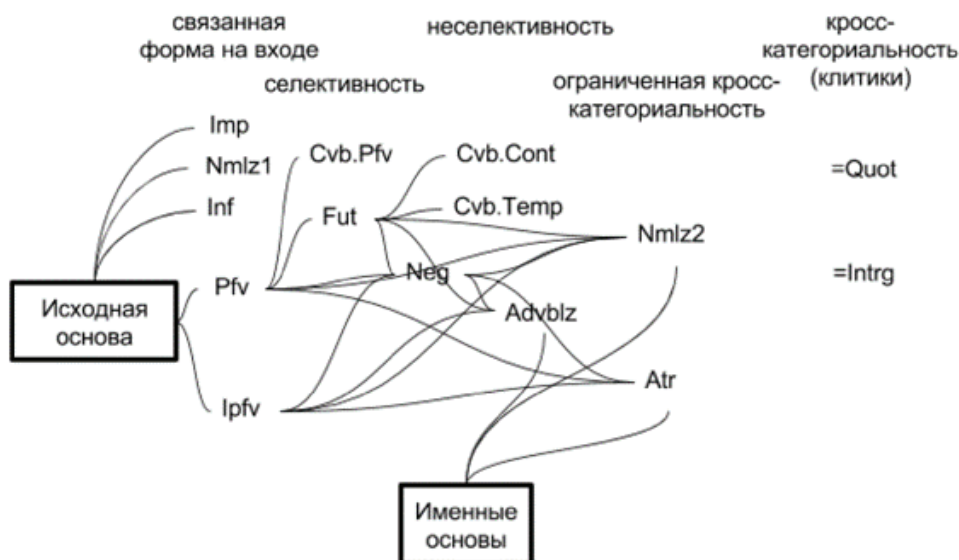

Схема. Слои морфологических показателей арчинского глагола.

Далее мы обсудим только наименее тривиальные фрагменты этой схемы, требующие специального обоснования. Так, мы утверждаем, что показатели класса 4 и некоторые показатели класса 3 сочетаются с неглагольными составляющими. Наибольшую гибкость в этом отношении демонстрирует показатель атрибутивизации *-t:u*. Арчинский атрибутивизатор сочетается не только с глаголами и стативами, но и с некоторыми падежными формами, в первую очередь с генитивом и пространственными формами, также с наречиями; см. специально [Bond, Chumakina (ms.)]. Кросскатегориальная атрибутивизация встречается и в других языках Дагестана.

(11) Атрибутивизация генитива (новые тексты)

san-en-nu-b at:i-qi=ra?
 Саният-GEN-ATR-3 <3>пускать.PFV-FUT=INTRG
 ‘Рассказать ли (историю) про Саният?’

(12) Атрибутивизация локатива (тексты Грамматики-77)

o'ro's-ul-čaj jamu-t lo t'al uw-li leningarad-l-a-ši,
 русский-PL-OBL(ERG) этот-4 ребенок отправить 4.делать-EVID Ленинград-OBL-IN-ALL
to-t č'em-na-t:u-b peterburg-l-a-ši
 тот-4 время-IN(ESS)-ATR-3 Петербург-OBL-IN-ALL
 ‘Русские этого ребенка отправили в Ленинград, тогдашний Петербург’.

(13) Атрибутивизация наречия (новые тексты)

t'o, ja-b l'ara-χut os, l'ara-χut:u-b deq' s b-i-t'i=ra...
 нет этот-3 низ-TRANS один низ-TRANS.ATR-3 путь 3-есть-NEG=INTRG
 ‘Нет, тот, который через низ, нижний (= через низ) путь ведь есть...’

Таким образом, использование атрибутивизатора *-t:u* — единый морфосинтаксический механизм, используемый при любой атрибутивизации не собственно атрибутивных форм (т. е. за исключением форм генитива, демонстративов и тех единиц, которые выше были названы неизменяемыми прилагательными). Из этого в частности следует, что, вопреки

логике подхода Грамматики-77 единую стратегию оформления в приименной конструкции нельзя считать свойством, объединяющим именно глаголы и стативы.

В отличие от атрибутивизатора, показатель имперфективного конверба *-ši* и показатель номинализации *-kul* присоединяются только к одному типу неглагольных форм — основе существительного (к которой атрибутивизатор присоединяться как раз не может). Механизмы адаптации этих показателей к основе с именной семантикой схожи.

В сочетании с субстантивной основой показатель имперфективного конверба выражает категорию функтива ‘в качестве кого’ [Creissels 2014]. Это значение может быть объяснено через значение собственно имперфективного конверба, если принять, что имя в таких контекстах становится предикатом ‘быть X-ом’, то есть X-CVB ~ ‘будучи X-ом’. По-видимому, допустимы и основы множественного числа, как в (15), хотя здесь в качестве именной основы используется форма множественного числа субстантивированного статива.

- (14) Показатель имперфективного конверба на именной основе (новые тексты)

<i>ʕaziz-qardaʃ</i>	<i>bo-li</i>	<i>zon</i>	<i>oʁka:-t'i=ra</i>	<i>un</i>
Азиз-дядя	сказать.PFV-CVB	я.NOM	⟨2⟩ВЗЯТЬ.PFV.FUT-NEG=INTRG	ты(ERG)
<i>t:onnol-ši</i>	<i>bo-li?</i>			
жена-CVB.IPFV	сказать.PFV-CVB			

‘Дядя Азиз, говорит, не возьмешь ли ты меня в жены, говорит?’

- (15) Показатель имперфективного конверба на основе множественного числа (новые тексты)

<i>hara-ši</i>	<i>zamanə-ma</i>	<i>ne:n=u</i>	<i>edi-li</i>	<i>kumek-ul-li-s</i>
сзади-ALL	время-LOC	мы(NOM,EXCL)=ADD	LCTR.БЫТЬ.PST-EVID	Кумух-PL-OBL-DAT
<i>q'ʕon,</i>	<i>haman-n-im-e-s</i>	<i>q'ʕon,</i>	<i>kumek-ul-li-n</i>	<i>ʕan-ni-s</i>
между	лакский-ATR-PL-OBL-DAT	между	Кумух-PL-OBL-GEN	хан-OBL-DAT
<i>mu't'i'h-d-ib-ši</i>	<i>edi-li</i>	<i>nen</i>		
быть.послушным-ATR-PL-EVID	LCTR.БЫТЬ.PST-EVID	мы(NOM,EXCL)		

‘В старые времена мы были среди кумухцев, среди лакцев, мы были подчинены (букв. подчиненными) кумухскому хану’.

Аналогично может интерпретироваться и номинализация имени: она выражает смысл ‘тот факт, что некто является X-ом’, то есть номинализует предикацию ‘быть X-ом’:

- (16) Номинализация имени существительного (тексты Грамматики-77)

<i>jemim</i>	<i>šoʁtal</i>	<i>b-oʁq'ʕi-r-ši</i>	<i>e(b)di-li</i>
ЭТОТ.PL	вместе	HPL-(IPFV)ХОДИТЬ-IPFV-CVB.IPFV	⟨HPL⟩БЫТЬ.PST-CVB.PFV
<i>c'ohor-kul-li-t</i>			
вор-NMLZ-OBL-SUP(ESS)			

‘Они вместе воровали’ (букв. ‘ходили на воровство’).

Наконец, на первый взгляд может показаться, что показатель *-muxur* (класс 3) также кросскаатегориален, ср. формы вида *totmuxur* ‘в обмен на то’, *jamutmuxur* ‘поэтому’, в которых *-muxur* следует за указательным местоимением. Более того, если учитывать причинную семантику конверба на *-muxur*, диахронически связь этих форм с показателем конверба причины почти несомненна. Однако именные формы должны анализироваться как *to-t-mi-χur*, где *-mi-* показатель косвенной основы, а *-χur* — показатель каузально-компаративного падежа, ср. *kuwsaral-li-χur* ‘из-за Кавсарат’, где тот же показатель присоединяется к другой форме косвенной основы. Таким образом, здесь речь может идти о падежном источнике грамматикализации показателя конверба на *-muxur*, но не о кросскаатегориальности показателя конверба.

Учитывая кросскаатегориальность показателей *-t:u=*, *-ši* и *-kul*, встает вопрос, не следует ли признать их клитиками. Ответим на этот вопрос отрицательно. Важным аргументом является ограниченная кросскаатегориальность всех этих показателей. Первый

сочетается только с генитивом, дативом и некоторыми пространственными формами, второй — только с формой субстантива единственного или множественного числа, третий — только с неоформленной основой субстантива. Показатель *-ši* кроме того демонстрирует некоторую избирательность даже в выборе промежуточных основ (не сочетается с перфективной основой). Другой аргумент, относящийся уже только к показателям атрибутивизации и номинализации, заключается в том, что эти показатели добавляют в словоформу новые словоизменительные категории (атрибутивизатор — согласовательный слот, показатель номинализации — падеж). По крайней мере при традиционном взгляде на клитики как на связанные словоформы оказывается неясно, как интерпретировать словоформу вида ATR-HPL или NMLZ-GEN.

Это отличает показатели класса 4 от показателей класса 5. Последний включает показатели квотатива и вопроса, которые обладают свойствами кросскатегориальности в большей степени, чем показатели класса 4, и являются, на наш взгляд, не словоизменительными суффиксами, а клитиками. Они присоединяются к любым составляющим, с которыми они совместимы прагматически, то есть практически к любой словоформе. Так, частица *ra* присоединяется к различным глагольным и именным формам (например, к эргативу), а также сочетается с автономным отрицанием (*t'o-ra* 'верно?', букв. 'нет-ли'). Единственное известное нам ограничение имеет прагматическую природу: вопросительная частица не присоединяется к императиву.

И показатель вопроса, и квотативный показатель трактуются в Грамматике-77 как наклонения (интеррогатив и комментатив). Однако суффиксальные свойства обоих показателей сводятся к морфонологическим процессам на стыке с опорным словом. Вопросительная частица претерпевает нетривиальные чередования (например, *-a* после словоформ с конечным *n* или *r*). Показатель *-er*, по всей вероятности, восходит к имперфективной основе глагола *bos* 'сказать', которая имеет форму *war*, и нетривиальным образом взаимодействует с исходом словоформы, к которой он присоединяется, если этот исход вокалический. Именно это, вероятно, заставило А. Е. Кибрика считать квотатив и интеррогатив суффиксами. Однако морфонологические чередования у клитик, вообще говоря, не невозможны.

Квотатив утратил формальное сходство со своим лексическим источником; его морфологическая неавтономность бесспорна. Тем не менее по своим свойствам он далек от морфологического грамматического показателя. Он свободно присоединяется не только к глагольным, но и к неглагольным составляющим клаузы-цитаты (т. е. неселективен). Он может вводить собственные аргументы — говорящего и адресата, ср. (17) — и имеет собственное словоизменение — присоединяет показатель имперфективного конверба *-ši* и образует аналитические формы, причем вспомогательный глагол оказывается самостоятельной словоформой (18). По сути квотативный показатель — это клитизированный предикат речи, который является независимым морфологическим словом.

(17) Квотатив вводит собственные аргументы (тексты Грамматики-77)

<i>to-w</i>	<i>za-r-ši</i>	<i>a-r-g-er-tu</i>	<i>bošor</i>	<i>w-ez</i>	<i>jasqi</i>	<i>w-ak:u</i>
TOT-1	я.OBL-CONT-ALL	4.делать-IPFV-PRON=QUOT-ATR	человек	1-я.DAT	сегодня	1-видеть.PFV

‘Сегодня я видел того человека, который не велел мне работать’.

(18) Аналитический квотатив (новые тексты)

<i>bəʃ:~or</i>	<i>wijc 'ə-t'u</i>	<i>ač-or-ši</i>	<i>e'b'di</i>
sto-NUM	десять-4.ORD	4.делать.PFV=QUOT-CVB.IPFV	<HPL>быть.PST

‘Сто двадцать (лет) прожила, говорят’.

Выше мы разделили основные глагольные показатели на классы в соответствии со степенью их морфологической связанности с основой, к которой они присоединяются. Рассмотрим на этом фоне словоизменительные свойства стативов. Стативы образуют следующие формы: отрицательные формы на *-t'u*, имперфективный конверб на *-ši*, континуативный конверб на *-mat(:)*, причинно-временной конверб на *-muxur*, показатель номинализации

на *-kul*, атрибутив на *-t'u*; также они присоединяют кватативную клитику *er* и интеррогативную клитику *ra*. Иными словами, основы стативов способны сочетаться с показателями классов 3, 4 и 5, но не классов 1 и 2; ср. примеры словоформ:

(19) а. <i>l'am-mat</i>
хотеть=CONT
'хоть и хочется'	б. <i>tu-si</i>
быть.хорошим-CVB.IPFV
'хорошо'	в. <i>sin-t'u-muxur</i>
знать-NEG-TEMP
'так как не знали'
г. <i>q'a-kul</i>
быть.плохим-NMLZ
'мерзость'	д. <i>k^wat:u-r</i>
быть.нужным.ATR-2
'нужная'	
е. <i>l'an=a</i>
любить=INTRG
'любишь ли?'	ж. <i>sin=er</i>
знать=QUOT
'знает, мол'	

Особенно показательны два факта. Во-первых, из трех арчинских номинализаторов, *-t'i*, *-mul* и *-kul*, стативы выбирают последний, который по нашей классификации является более «внешним». В отличие от более «внутреннего» *-mul*, который присоединяется к исходной основе и нетривиальным образом взаимодействует с правилами заполнения инфиксальной позиции, или *-t'i*, который номинализует только глаголы ограниченного морфологического класса, *-kul* присоединяется к любой индикативной финитной форме и никак не влияет на морфологию глагола. Во-вторых, показатели общих конвербов — перфективного и имперфективного, — которые, казалось бы, естественно рассматривать как параллельные категории, в нашей классификации оказываются разделены: перфективный конверб, показатель которого может присоединяться лишь к перфективной основе, относится к классу 2, а имперфективный конверб, который сочетается с имперфективной основой и основой будущего времени и может следовать за показателем отрицания, относится к классу 3. Именно показатель последнего и сочетается со стативом.

Теперь можно сказать, что стативы присоединяют показатель имперфективного, но не перфективного конверба не потому, что они обладают лишь имперфективной основой, а потому, что показатель имперфективного конверба относится к менее связанным показателям. Именно менее связанные показатели только и способны присоединять стативы.

Итак, мы показали, что словоизменительные отличия стативов от динамических глаголов заключаются не просто в ограничении словоизменительной парадигмы, но в самой природе присоединяемых показателей. Стативы присоединяют только такие показатели, которые присоединяются к автономным словоформам динамического глагола, причем к стативам присоединяются не все такие показатели, а лишь неселективные, то есть такие, которые присоединяются более чем к одной промежуточной основе. (В качестве отдаленного аналога ср. русск. *-те*, которое тоже присоединяется к автономным словоформам и тоже к нескольким — *иди*, *идем*.) Некоторые из показателей, совместимых со стативами, присоединяются не только к глагольным, но и к именным формам, а некоторые являются просто клитиками. Иными словами, статив присоединяет не произвольное подмножество словоизменительных показателей динамического глагола, а только те из них, которые обслуживают «внешние» слои словоизменения. Это не дефектный глагол, который имеет лишь имперфективную основу, а предикативная единица, не имеющая собственного «внутреннего» словоизменения; недаром в отличие от исходной основы динамических глаголов основа статива сама по себе является автономной словоформой.

4. Имя прилагательное: типологический фон

Одним из лейтмотивов типологических исследований прилагательных как типологической категории является тезис о неуниверсальности этой категории и вопрос о том, что происходит с признаковыми значениями в языках, где (открытый) лексический класс

приименных атрибутивных единиц отсутствует. Решение, принятое в Грамматике-77, следует рассматривать именно в этом типологическом контексте. Как уже было сказано, Грамматика-77 относит большинство признаковых значений к глаголам: стативы трактуются как подкласс последних. Кибрик выделяет небольшой класс атрибутивных лексем, которые можно признать прилагательными (непроизводные прилагательные Грамматики-77), причем этот класс крайне нетипичен с точки зрения лексического наполнения. Утверждение о том, что эти «непроизводные прилагательные» и есть прилагательные арчинского языка, явно нарушает ожидания семантически или функционально ориентированных подходов, так как не включает никаких ядерных признаковых значений [Dixon 1977]. Интересно отметить, что очень схожий по наполнению класс приименных атрибутов обнаруживается в еще одном языке с «глагольным прилагательным» — языке тарьяна¹ [Aikhenvald 2004]. Однако в настоящей статье для нас важнее другое.

Как мы постарались показать выше, Грамматика-77 не уделяет достаточного внимания анализу и интерпретации различий в словоизменении стативов и (динамических) глаголов. В этом разделе мы рассмотрим вопрос о статусе признаковых лексем арчинского языка в рамках различных типологических моделей, принимая во внимание проанализированные выше морфологические особенности стативов, а также укажем на те их особенности, которые представляют интерес с точки зрения типологии прилагательного.

Существует два основных подхода к типологическому определению класса прилагательных. Один подход — условно морфосинтаксический — строит конкретноязыковую классификацию (и, в частности, определяет место в ней прилагательных), выявляя частеречные классы (lexical classes) на основе стратегий маркирования лексемы в основных синтаксических позициях — аргумента, атрибута и предиката. Другой — условно семантический — исследует морфосинтаксические особенности признаковых лексем.

В рамках морфосинтаксического подхода [Hengeveld 1992] прилагательным (adjectival predicate) признается единица, которая без дополнительного маркирования («without further measures being taken» [Ibid.: 58]) может использоваться как именной модификатор; а глаголом (verbal predicate) — такая единица, которая без дополнительного маркирования может использоваться только предикативно. В этом смысле арчинские стативы, несомненно, являются предикативными единицами и изо всех типологически возможных морфосинтаксических классов более всего похожи на глаголы. Действительно, без дополнительного маркирования они способны выступать только в предикативной функции, а в атрибутивной (как и глаголы, но также и как некоторые другие типы приименных зависимых) требуют обязательной морфологической атрибутивизации.

Подход Стассена [Stassen 1997; 2013], хотя и опирается в первую очередь на морфосинтаксис, тем не менее по сути своей является семантическим. Стассен классифицирует языки по тому, как ведут себя признаковые лексемы в предикативной позиции. Два из трех морфосинтаксических критериев, используемых в [Stassen 1997] для определения (не)глагольности признаковых лексем в предикативной функции, однозначно говорят в пользу предикативности арчинских стативов. Это использование а) глагольного, а не особого отрицания и б) неиспользование связки. Несколько сложнее обстоит дело с в) согласованием. Как было отмечено выше (в конце раздела 2), стативы явно менее склонны иметь классно-числовое согласование, чем динамические глаголы. Однако это различие в арчинском языке носит характер хотя и сильного, но не грамматического предпочтения. Не все арчинские глаголы содержат согласовательный слот, и не все стативы его не имеют. Вообще, наличие классного согласования для арчинского языка — лексическая характеристика, а не словоизменяемый признак глагола и поэтому не может использоваться вполне в том смысле, в котором его использует Стассен.

¹ А. Ю. Айхенвальд в личном сообщении указывает, что подобная ситуация отмечается и в некоторых других амазонских языках.

Стассен специально исследует морфосинтаксис признаковых лексем в предикативной позиции, тогда как для Хенгевельда главным является сравнение их поведения в предикативной и атрибутивной позиции. Арчинские стативы — это слова, которые в форме чистой основы выступают в позиции предиката, а в атрибутивной позиции принимают специальный показатель атрибутивизации, суффикс *-t:u* (Хенгевельд), не требуют связки и используют предикативное отрицание (Стассен). Таким образом, предикативная природа арчинских признаковых лексем не подлежит сомнению. В то же время, перечисленные критерии не позволяют выявить своеобразие наблюдаемой в арчинском языке частеречной конфигурации. Необходимо выяснить, какой комплекс морфосинтаксических черт характеризует признаковую лексику.

Эта задача ближе к семантическому подходу к типологии прилагательного, в рамках которого комплексно исследуются морфосинтаксические свойства лексем, выражающих базовые признаковые значения. Шахтер и Шопен [Schachter, Shopen 2007] предлагают, выделив релевантные для конкретного языка морфосинтаксические классы лексем, приписывать им частеречный ярлык на основании не того, в какой синтаксической позиции какое оформление использует лексема данного класса, а того, какие значения составляют его ядро. При таком подходе арчинские стативы, выделенные в разделе 3 в независимый морфосинтаксический класс, должны быть признаны прилагательными. Наиболее удобный для нас вариант семантического подхода представлен в [Dixon, Aikhenvald (eds.) 2004]. В этом сборнике рассматриваются в том числе разноструктурные языки, в которых прилагательные на первый взгляд ведут себя как глаголы. Один из тезисов, выдвинутых во вводной статье Диксона [Dixon 2004], можно сформулировать следующим образом: даже в языках, где признаковые лексемы имеют предикативную природу (*adjectival-verb languages*), эти лексемы никогда полностью не сливаются с глаголами. Для арчинского языка тезис Диксона тривиально подтверждается уже интерпретацией Грамматики-77: признаковые лексемы (стативы) обладают лишь частью глагольного словоизменения.

Однако арчинский язык представляет для типологии признаковых лексем интерес тем, что различие стативов и (обычных) глаголов скрадывается поверхностным сходством их словоизменения. Разница между ними более фундаментальна, чем считает Грамматика-77. Если рассматривать словоизменительные возможности стативов внимательнее, то оказывается, что разделение глагольной морфологии на «в том числе стативную» и «чисто динамическую» устроено не случайным образом. Для стативов характерна не ядерная («внутренняя»), а периферийная («внешняя») морфология глаголов. Все присоединяемые стативами показатели в той или иной степени кросскатегориальны. В отличие от глаголов, у стативов нет собственного, характерного лишь для них словоизменения. При этом если глаголы никогда не выступают в предложении в виде чистой основы, то стативы в предикативной позиции способны выступать (и часто выступают) именно в форме чистой основы. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что арчинские стативы являются неизменяемыми предикативными словами. Таким образом, хотя арчинские признаковые лексемы предикативны, с морфологической точки зрения они не глагольны. Они образуют отдельную часть речи.

Заключение

В арчинском языке есть два лексических класса — претендента на роль имени прилагательного как самостоятельной части речи.

Первый претендент — это ограниченный класс приименных атрибутов («непроизводные прилагательные»), включающий, например, этнонимы и некоторые социальные характеристики, специфицирующие семантику существительного, к которому они относятся, а также некоторые кванторы. Элементы этого класса удовлетворяют морфосинтаксическому пониманию прилагательного, так как не подлежат дополнительному маркированию в приименной позиции, ср. [Hengeveld 1992; Stassen 1997]. Однако этот претендент противоречит представлению о типичных семантических зонах, покрываемых прилагательными [Dixon 1977; Bisang 2012].

Второй класс, стативы, не может считаться именем прилагательным по морфосинтаксическому критерию Хенгевельда или Стассена. Лексемы этого класса могут выступать в немаркированной форме лишь в функции предиката, а в атрибутивной позиции требуют обязательного употребления атрибутивизатора, что сближает их, в том числе, с глаголами. Однако он включает основной массив лексем, обозначающих признаки, и потому в рамках семантически ориентированного подхода, предлагаемого в [Dixon, Aikhenvald (eds.) 2004], оказывается реализацией типологической категории имени прилагательного. В этом смысле арчинский язык относится к языкам с прилагательными-глаголами (*adjectival verb* в терминах [Schachter, Shopen 2007]).

Арчинский язык удовлетворяет типологическому обобщению Диксона [Dixon 2004], согласно которому в языках типа «*adjectival-verb*» признаковые лексемы никогда полностью не совпадают по своим морфосинтаксическим свойствам с глаголами. В цитируемом сборнике [Dixon, Aikhenvald (eds.) 2004] это демонстрируется на примере некоторых языков, которые традиционно относятся или могут быть отнесены к этому типу, в том числе японского [Backhouse 2004]. Однако арчинские стативы все же не вполне похожи на «глагольные прилагательные» этих языков. Хотя все словоизменительные аффиксы, присоединяемые к стативам, присоединяются также и к глаголам, обратное неверно: многие формы, имеющиеся у глаголов, стативы образовывать неспособны. В отличие от языков типа японского, у арчинских признаковых лексем нет собственной, специально стативной словоизменительной морфологии ни в смысле набора категорий, ни в смысле их выражения.

Грамматика-77 считает стативы глаголами, хотя и выделяет в особый подкласс глагольных лексем, отличный от динамических глаголов. Мы предлагаем считать, что различие между признаковыми лексемами и обычными глаголами глубже, чем различие между двумя подклассами одной части речи. У стативов отсутствует различение основ — имперфективной, перфективной, инфинитивной — составляющее ядро глагольной морфологии. В разделе 3 мы показали, что арчинское глагольное словоизменение состоит из различных «слоев», от внутренних, более морфологически связанных, к внешним, менее связанным. Сходство арчинских признаковых лексем с глаголами ограничивается внешней морфологией, а внутренней морфологией глагола они не обладают. Можно интерпретировать это следующим образом: динамические глаголы и стативы представляют два различных морфосинтаксических класса предикатов — две разных части речи, подобно тому, как в русском языке различается два класса предикатных единиц, глаголы и предикативы.

Итак, арчинские стативы — признаковая лексика вместе с некоторыми названиями состояний — не являются ни морфосинтаксическими прилагательными по критериям [Hengeveld 1992; Stassen 1997], ни глаголами, но представляют собой отдельную часть речи, подтверждая типологические ожидания, высказываемые Диксоном и Айхенвальд [Dixon, Aikhenvald (eds.) 2004], даже в большей степени, чем можно было бы судить на основании анализа А. Е. Кибрика [Грамматика-77]. Внимание к морфологическим деталям, на первый взгляд несущественным, может если не менять, то существенно уточнять параметризацию конкретного языка в рамках того или иного типологического подхода.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3, 4 — именные классы (род)

ADD — аддитивная клитика

ADVBLZ — адвербиализатор

ALL — показатель ориентации (движение по направлению к области пространства, обозначенной показателем локализации)

ATR — атрибутивизатор

CONT — показатель локализации (на поверхности)

CVB — конверб (деепричастие)

DAT — дательный подеж

EL	— показатель ориентации (элатив)
EMPH	— выделительная частица
ERG	— эргатив
ESS	— показатель ориентации (отсутствие движения)
EVID	— косвенная заведительствованность
EXCL	— эксклюзивное 'мы'
FUT	— будущее время
GEN	— генитив
HPL	— именной класс (мн. ч. лиц)
IMP	— повелительное наклонение
IN	— показатель локализации (нахождение в полном объекте)
INCL	— инклюзив
INF	— инфинитив
INTRG	— вопросительная частица
IPFV	— имперфективная основа
LAT	— показатель ориентации (движение в область пространства, обозначенную показателем локализации)
LCTR	— согласование с мн. ч. 1-го или 2-го л. или инклюзивом
LIM	— ограничительно-временной конверб
LOC	— локатив
NEG	— отрицание
NMLZ	— номинализация (масдар)
NOM	— номинатив
NUM	— показатель количественного числительного
OBL	— показатель косвенной основы
ORD	— показатель порядкового числительного
PFV	— перфективная основа
PL	— множественное число
PRON	— прохибитив (запретительное наклонение)
PST	— прошедшее время
QUOT	— показатель цитирования
SIMULT	— конверб одновременности
SUP	— показатель локализации (нахождение на верхней поверхности)
TEMP	— временной конверб
TRANS	— показатель ориентации (движение через область пространства, обозначенную показателем локализации)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Дирр 1908 — Дирр А. Арчинский язык. Грамматический очерк, тексты, сборник арчинских слов с русским к нему указателем. (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 39.) Тифлис: Издание Управления кавказского учебного округа, 1908. [Dirr A. *Archinskii yazyk. Grammaticheskii ocherk, teksty, sbornik archinskikh slov s russkim k nemu ukazatelem* [The Archi language. Grammar, texts, wordlist with a Russian index]. Tiflis: Izdanie Upravleniya kavkazskogo uchebnogo okruga, 1908.]
- Грамматика-77 — Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянная И. П., Самедов Дж. С. Опыт структурного описания арчинского языка. В 4 т. М.: Издательство Московского университета, 1977. [Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Olovyannikova I. P., Samedov Dzh. S. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka* [A structural description of the Archi language]. In 4 vols. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1977.]
- Майсак 2000 — Майсак Т. А. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 10–32. [Maisak T. A. Grammaticalization of the verbs of movement: An essay in typology. *Voprosy jazykoznanija*. 2000. No. 1. Pp. 10–32.]
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Y. The adjective class in Tariana. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). *Adjective classes: A cross-linguistic typology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. Pp. 97–124.
- Backhouse 2004 — Backhouse A. E. Inflected and uninflected adjectives. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). *Adjective classes: A cross-linguistic typology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. Pp. 50–73.

- Bisang 2012 — Bisang W. Word classes. Song J. J. (ed.). *The Oxford handbook of linguistic typology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. Pp. 280–302.
- Bond, Chumakina (ms.) — Bond O., Chumakina M. Attributives in Archi: A mixed category with multiple bases. Ms. Guildford: Univ. of Surrey.
- Creissels 2014 — Creissels D. Funtive phrases in typological and diachronic perspective. *Studies in Language*. 2014. Vol. 38. No. 3. Pp. 605–647.
- Dixon 1977 — Dixon R. M. W. Where have all adjectives gone? *Studies in Language*. 1977. Vol. 1. No. 1. Pp. 19–80.
- Dixon 2004 — Dixon R. M. W. Adjective classes in typological perspective. Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). *Adjective classes: A cross-linguistic typology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. Pp. 1–49.
- Dixon, Aikhenvald (eds.) 2004 — Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y. (eds.). *Adjective classes: A cross-linguistic typology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Hengeveld 1992 — Hengeveld K. *Non-verbal predication: Theory, typology, diachrony*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1992.
- Schachter, Shopen 2007 — Schachter P., Shopen T. Parts-of-speech systems. Shopen T. (ed.). *Language typology and syntactic description*. Vol. 1: *Clause structure*. 1st ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985. Pp. 1–60.
- Stassen 1997 — Stassen L. *Intransitive predication*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1997.
- Stassen 2013 — Stassen L. Predicative adjectives. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Available at: <http://wals.info>; accessed on 08.12.2016.

Получено / received 13.12.2016

Принято / accepted 08.03.2018